

ется тематическая группа названий языков / языковых семей, преимущественно экзотических: *Arawak(an)*, *Shoshone(an)*, *Chinook(an)*, *Tucano(an)*, *Tupi(an)*, *Carib (Cariban)*, *Quechua (Quechuan)*. В меньшей степени терминосистеме лингвистики свойственна лексическая (68 ВР, или 26 %) и орфографическая (12 ВР, или 4,5 %) типы вариативности.

Таким образом, можно утверждать, что вариативность в терминосистемах архитектуры, биологии и лингвистики существенно различается с точки зрения конфигурации различных типов и подтипов вариативности (ср. преобладание орфографических вариантов в архитектурной терминологии и словообразовательных в биологической и лингвистической). На наш взгляд, эти различия обусловлены целым рядом факторов, наиболее существенными среди которых являются, по-видимому, специфика именуемых объектов и история формирования терминосистемы.

И. А. Щирова (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

ИНВАРИАНТНЫЕ СВОЙСТВА И ВАРИАНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ «ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ XX ВЕКА

В процессе познания мира человеком особую роль играют дихотомии субъективного и объективного, опыта и реальности, внутреннего и внешнего. Чем бы ни занималась литература, она моделирует человека в многообразных аспектах его сущности и бытия. В текстах англоязычной психологической прозы XX в. предметом изображения выступает «внутренний человек». Их жанровая специфика традиционно описывается литературоведами посредством тесно связанных между собой понятий психологизации и психологизма. Если психологизация относится к уровню глубинной семантики (авторской интенции) и подразумевает стремление к полному и глубокому описанию чувств и мыслей, то психологизм является художественным свойством (качеством) и связывается с глубоким и детальным изображением внутреннего мира, психических и душевных переживаний (Б. А. Есин). Рассматривая психологический текст с позиций лингвистики, оправданно видеть в нем смысловую категорию, определяющую специфику семантико-структурных свойств текста, его функциональную направленность и языко-вые особенности.

Элементы внутриличностного ряда выдвигаются в психологическом тексте XX в. на передний план, формируя прагматические фокусы в его структуре, в то время как элементы событийного ряда образуют их фон. При этом элементы и внутриличностного, и внешнесобытийного рядов функционально направлены на изображение внутренних, а не внешних форм «Я». Они включаются в модель «внутреннего человека», ослабляют событийность текста. Психологизм не носит объяснительного характера. Оценочное мнение автора перемещается в глубокий подтекст, что, наряду с прямым или косвенным показом «внутреннего человека», создает у читателя иллюзию авторского отсутствия. Дистанция между читателем и персонажем «сокращается», интимизируя повествование, в котором Другой (персонаж) становится для читателя полноценным носителем сознания.

Понимая инвариант как абстрактную сущность, которая обнаруживает свои свойства во всех членах вариативного ряда, а художественный текст как модель, в которой воспроизводятся в художественной форме природа и организация реального аналога, к инвариантным свойствам модели «внутреннего человека» в психологических текстах обозначенного временного периода можно отнести предмет их изображения (внутренний мир), ослабленную событийность и интимизацию повествования. Вариантами психологизма как абстрактной сущности могут быть названы модели «внутреннего человека», конструируемые в историко-культурных модификациях психологического текста: модернистских и реалистических.

В модернистских текстах «потока сознания» внутренний мир человека представлен эксплицитно. Концептуальную основу модели «внутреннего человека» формирует интериоризация – изображение освоения мира сознанием, которое читатель, благодаря условности художественной формы, видит «изнутри» (ср. картину мира субъекта в ее необъективированном состоянии). Психологизм реализуется преимущественно в плане субъективированного повествования. В качестве повествовательного аналога несобственно-прямой речи используется свободный косвенный дискурс, имитирующий особенности реальной автокоммуникации и «внутреннего говорения», т. е. когнитивную самостоятельность квазисубъекта. Образные ассоциации, приписываемые квазисознанию, формируют свободные мотивы и не маркируют пунктов событийной канвы. Ослабление событийности, таким образом, обеспечивается «переносом событий» в ментальную сферу. Интимизация повествования в интериоризированных психологических текстах достигается с помощью замещения эксплицитной авторской оценки иллюзорно самостоятельной оценкой персонажа, которая включается во внутренний монолог. Процесс освоения мира «изнутри» моделируется как процесс рождения, становления и развития самостоятельной мысли. Вещная модель мира сменяется диалогической (М. Бахтин). Диалог сознаний автора и читателя как реальных когнитивных субъектов заменяется видимостью диалога сознаний реального когнитивного субъекта (читателя) и квазисубъекта (персонажа), принадлежащих, соответственно, к реальной и изображенной коммуникации.

В текстах психологического реализма внутренний мир представлен имплицитно. Концептуальную основу модели «внутреннего человека» формирует экстериоризация – изображение освоения мира «извне», через имплицитно представленные структуры сознания (ср. картину мира субъекта в ее объективированном состоянии). Психологизм реалистического текста актуализируется преимущественно в форме объективированного повествования. Выдвижение внутреннего Универсума на фоне событий создается с помощью акциональных, речевых, паралингвистических и пр. компонентов художественного образа персонажа, «овнешняющих», согласно авторской интенции, особенности внутреннего мира. Показателем психологизма является не столько то, о чем повествует психологический текст, сколько то, как он об этом повествует, а именно, подробно, через детали. Детализация «растягивает» событийный ряд, тем самым ослабляя событийность. Интимизи-

зация повествования в экстерииоризированных психологических текстах становится результатом включения оценки внутреннего мира в речевые фрагменты квазисубъектов (персонажей и повествователей) и дополнения иллюзии самостоятельного внешнего говорения иллюзией самостоятельных поступков.

Юй Вэй (МГЛУ, Минск, Беларусь)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное исследование терминосистем разноструктурных русского и китайского языков приобретает в последнее время особую актуальность. Это обусловлено несколькими причинами как лингвистического, так и экстралингвистического плана. С одной стороны, самостоятельный научный интерес представляет изучение путей и способов пополнения корпуса экономической терминологии официальных языков стран, которые в последние полстолетия прошли путь от закрытого типа экономики к открытому. С другой стороны, немаловажным следует признать исследование особенностей влияния английского языка на пополнение экономической терминологии в названных типологически разных языках с учетом особенностей их графических систем.

Поэтому сопоставительное исследование экономической терминологии флективного русского и изолирующего (корневого) китайского языков требует прежде всего выработки четких критериев разграничения объектов сопоставительного анализа. Так, в китайском языке совершенно по-иному по сравнению с русским языком соотносятся терминологические понятия и называющие их номинативные единицы языка, достаточно условной является граница между словом и неоднословным наименованием. Также совершенно различными являются в русском и китайском языках пути заимствования англоязычных экономических терминов и механизмы их адаптации, ср.:

Китайский язык	Русский язык	Английский язык
投资 (tou zi)	инвестиция	investment
信贷 (xin dai)	кредит	credit
预算 (yu suan)	бюджет	budget
外资 (wai zi)	иностраннный капитал	foreign capital
透支 (tou zhi)	овердрафт	overdraft
通货膨胀 (tong huo peng zhang)	инфляция	inflation
通货紧缩 (tong huo jin suo)	дефляция	deflation
汇率 (hui lv)	валютный курс	exchange rate